

тического планов). Значение академического «Словаря синонимов русского языка (в двух томах)» выходит поэтому далеко за рамки русской лексикографии и лексикологии. Это несомненный вклад в общую лексикологию, в ту ее область, где по сути дела еще никогда не было единства мнений и общепризнанной теории.

СССРЯ безукоризненно выполнен технически и полиграфически. Удачно

скомбинированные шрифты (корпус, петит, полпирель) и использованные способы выделения (полужирным, курсивом и в разрядку), а также внутренняя организация словарной статьи предельно ясно передают современными средствами печати все намерения составителей и редакторов.

С. Г. Бережан

С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII ввек. — М., изд-во «Наука», 1970. 318 стр.

После завершения обобщающего труда по истории фонетической и морфологической систем южнорусского наречия XVII в. («Южновеликорусское наречие в XVII столетии. Фонетика и морфология», М., 1963) С. И. Котков закономерно обращается к лексике тех же южнорусских говоров.

Фундаментальное исследование С. И. Коткова открывается «Введением» (стр. 5—16). Автор показывает научную значимость изучения южновеликорусского наречия для построения «вполне обоснованной истории русского языка национального периода» и справедливо указывает на причину, вызвавшую явную недооценку южновеликорусских данных и ограничение вследствие этого «базы исследования истории русского языка исключительно кругом северно- и средневеликорусских памятников» (стр. 6). Причина эта заключается в некорректном принятии большинством лингвистов ошибочного представления историков о южновеликорусской степи XIV—XVI вв. «как области полного запустения, вызванного татаро-монгольской опасностью» (стр. 6).

Южновеликорусские сведения XVI—XVIII вв. незаменимы при исследовании истории южного наречия, его участия и роли в образовании русского национального языка, они необходимы для более точной характеристики диалектных зон русского языка в их прошлом и современном состоянии. Особенно важны южновеликорусские памятники для выяснения исторического взаимодействия между тремя восточнославянскими языками (русским, украинским, белорусским), так как они написаны на территории, бывшей, во-первых, колыбелью их общего основания — древнерусского языка до XIV в., во-вторых, зоной наиболее активных и длительных контактов русского языка с украинским и белорусскими языками, а через них и с другими славянскими языками. Кроме того, юж-

норусское наречие, соприкасаясь с тюркскими языками, могло служить мостом, по которому тюркизмы попадали в общерусский (литературный) язык.

Основным источником для изучения словарного состава южновеликорусского наречия для автора служат материалы старой русской письменности XVI—XVIII вв. южновеликорусского происхождения: челобитные (индивидуальные и коллективные), сказки (показания местных людей по различным вопросам), воеводские отписки, описи, купчие записи, отказные книги, книги таможенных и явочные, писцовые книги городов, уездов, книги бортных ухажий, «грамотки» (письма приказчиков, сельских старост, выборных крестьян), расходные, приходные, ужинные и умолотные книги старост и целовальников, а также духовные завещания, рядовые, меновые, раздельные и другие записи. Автор привлекает и памятники неюжновеликорусского происхождения, поскольку только на фоне лексики всего русского языка той поры и можно составить представление о лексике южновеликорусской области. Данные, извлекаемые из памятников письменности, в доступных пределах сопоставляются с показаниями современных говоров, особенно южновеликорусских, а также с лексикой произведений писателей-реалистов, «жизнь и творчество которых связаны с южновеликорусской областью» — И. С. Тургенева, И. С. Никитина, Н. С. Лескова, А. И. Левитова, А. И. Эртеля, А. И. Бунина и др.

Название и замысел работы определил круг исследуемой лексики. «В круг исследуемой лексики включаются и локальные элементы и элементы общерусского значения» (стр. 7).

В пределах специфически южнорусского словаря С. И. Котков выделяет три типа диалектизмов: 1) собственно диалектизмы — слова, бывшие некогда общерусскими, но затем утратившиеся в север-

новеликорусском наречии и среднерусских говорах и задержавшиеся только в южнорусском наречии (слова-историзмы); 2) диалектизмы-заимствования — слова, попавшие в южновеликорусские говоры (и не распространившиеся за их пределы) из других славянских и неславянских языков; 3) диалектизмы-локализмы — слова, которые появились в южновеликорусской зоне как отражение специфически южных природно-климатических или исторических условий.

Включение в сферу анализа, помимо собственно южновеликорусской, также лексики общерусской, в частности, «лексических элементов, которые свидетельствуют об исторической общности или связях южновеликорусского наречия с другими восточнославянскими образованиями — языками и диалектами» (стр. 7), вполне оправдано. Это отвечает требованию системного подхода к языку. Кроме того, диалектизмы южновеликорусского ареала распространения чаще всего являются величиной не данной, а искомой. Поэтому при отборе материала для анализа необходимо учитывать как бесспорно собственно южновеликорусские факты, так и лексические элементы, отнесение которых к данному наречию (в современном или историческом его понимании) еще требует доказательств или, напротив, нуждается в опровержении. Хотя идеальным было бы сопоставление (конфронтация) всего лексического материала памятников южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. с соответствующими лексическими данными других (неюжновеликорусских) территорий русского языка, с выделением сначала общего для них словарного фонда, а затем лексико-семантических «наречных» добавок и определением недостающих (по сравнению с противоположным наречием) элементов, однако на данном этапе развития исторической лексикологии это не выполнимо. «Пока не имеется обобщающих исследований южно- и северновеликорусской лексики, нет южно- и северновеликорусских словарей, мы не можем ставить перед собой задачи сравнения того и другого наречий в широком лексическом плане и, естественно, сосредоточиваем в основном внимание на том, что представлено в старой южновеликорусской письменности, а не на том, чего в ней нет по сравнению с северновеликорусским словарем», — пишет С. И. Котков (стр. 8).

Обширный круг обследованных источников (рукописных, печатных), впервые вводимых исследователем в научный оборот, дал С. И. Коткову обильнейший лексический материал по самым разнообразным сферам жизни и деятельности человека. В целях удобства изложения С. И. Котков отбирает наиболее интересный материал (нуждающийся в первоочередном рассмотрении), располагая его

по лексико-тематическим группам. Всего им рассмотрено восемь групп (каждой посвящен самостоятельный раздел): лексика, связанная с полеводством и сенокосением, садоводством и огородничеством; названия животных; названия строений; названия одежды и обуви; термины родства; названия людей по ремеслу или занятиям; прозвищные наименования людей; глагольные обозначения некоторых действий и состояний. При характеристике слов каждой группы учитываются факторы как «внешней истории слов» (история реалей, взаимодействие южновеликорусского наречия с остальными говорами русского языка, контакты со славянскими и неславянскими народами и т. п.), так и их «внутренняя история» (системные связи с другими словами, эволюция значений, стилистические сдвиги и под.).

Все тематические разделы читаются с большим интересом. Помимо собственно лексического материала (какие слова были в ходу на Юге 200—400 лет тому назад, что сеяли южновеликорусские крестьяне, что выращивали в огороде, какие животные были в хозяйстве, на каких зверей охотились в степях и лесах, как называли помещение для человека, части дома, постройки для животных, хозяйственного инвентаря, какие виды одежды и обуви носили в то время, какими ремеслами занимались, наконец, какими прозвищами — именами и фамилиями — называли друг друга и т. д. и т. п.), книга содержит весьма ценную информацию по истории края, по этнографии, устному народному творчеству, топонимии, а также по истории отдельных слов, их этимологии, словообразовательным, акцентологическим и стилистическим особенностям.

Так, например, из первого («сельскохозяйственного») тематического раздела узнаем, что в основе южновеликорусского полеводства лежал трехпольный севооборот, что сельскохозяйственными культурами были *рожь, пшеница, полба* (разновидность пшеницы), *овес, ячмень, просо, греча (гречиха), горох, лен, конопля*, а также (в XVIII в.) *кукуруза*, что для обозначения конопли было два варианта: *конопли* (он преобладал на западе южновеликорусского края) и *конопи* (в восточной части), что тот и другой варианты слова употреблялись почти исключительно во множественном числе, что в XVI—XVIII вв. на Юге пахали в основном *созой* (редкие упоминания о плуге идут с северной и южной периферии — из Новосила и Чугуева), что бороновали (*скородили*) землю *скородой*, хлеба *жали* (не косили!) *серпами*, снопы вязали *связлом* (травяным жгутом), сжатый хлеб исчисляли *копнами* (*копами*), в которых было по 52 снопа, что на гумнах ставились *одонья* и *скирды*, перед обмолотом хлеб сушили в *овинах*, обмолоченный хлеб

хранили в *житницах* (*житнях*), что время полевых работ, в особенности жатвы, называлось *рабочей порой*, что слово *целина* внесено в литературный язык южнорусской стихией.

Весь анализ лексики, проведенный С. И. Котковым, можно назвать в ином, как переоценкой ценностей. Ни одно из ранее высказанных мнений не оставляется без внимания: оно либо подкрепляется дополнительными аргументами (обычно лингвистического, но нередко и историко-культурного порядка), либо опровергается как несостоятельное. Так, автор довольно часто указывает на неточности или неполноту в толковании значений слов в «Толковом словаре» В. И. Даля (см., например, о словах *хоботье* и *мякина* на стр. 50, о словах *рабочая* и *рабочая пора* на стр. 50—51 и др.). Он указывает на неправильности (вызванные слабым знанием южновеликорусских фактов) в объяснении причин появления тех или иных форм слов (например, форма множественного числа у существительных *ржи*, *овсы*, *сена* на стр. 75, а также *зелена* на стр. 78—80).

Не меньший интерес представляют и «попутные» замечания, например, о рязанском происхождении автора «Задонщины» — на основании слова *ковыля* (стр. 61), о текстологических новшествах в былине «Три года Добрынюшка столыничал» (стр. 95) и др.

Однако особенно систематичны опровержения С. И. Коткова ошибочных мнений о южновеликорусской или, напротив, о северновеликорусской прикреплённости тех или иных слов. «Известная в научной литературе трактовка противоположений *изба — хата*, *волк — бирюк*, *конь — лошадь*, *сарафан — паньева*, *лонской — прощогодний* и некоторых других как северо- и южновеликорусских в историческом отношении представляется несостоятельной» (стр. 291). Это заявление подтверждено большим и разнообразным фактическим материалом (из памятников письменности XVI—XVIII вв., новыми данными диалектологических атласов, примерами из художественных текстов реалистического характера). Указывается, что «в исследованных южновеликорусских материалах вплоть до середины XVIII в. нам не удалось встретить ни одного употребления слова *хата* в южновеликорусской среде» (стр. 135), что «слово *хата* проникло в южновеликорусские говоры не частью, а полностью извне» (стр. 135), что «название *волк* не только на Севере, но и в южновеликорусской области было общеупотребительным» (стр. 128), что актуальность в XVII—XVIII вв. на Юге образований от слова *конь* не согласуется с отнесением его исключительно к Северу (стр. 93), что «*сарафан* бытовало и на Юге, в заведомо южновеликорусской среде» (стр. 150), что «глагол

бросать известен был и южновеликорусам...» (стр. 287). См. также материал на слова *пожня* (стр. 64, 65), *лонись*, *лонской* (стр. 97, 98), *вешка* (стр. 133), *тын* (стр. 144) и др., а также общий вывод о данной группе слов: «Исторически необоснованным является отнесение слов *пожня*, *овин*, *вешка*, *бросать* и некоторых других в генетическом плане непременно к Северу» (стр. 291). Применительно к исследуемой эпохе С. И. Котков доказывает также общерусский (а не только южновеликорусский) характер бытования и таких слов, как *зипун*, *кафтан*, *кушак*, *через* и др.

Привлекает внимание ономастический (точнее антропонимический) раздел книги. Автор показывает довольно широкий репертуар «прозвищных» имен, выражаемых именами существительными: *Белый*, *Бессон*, *Волохита*, *Гуляй*, *Дружина*, *Ждан*, *Истомка*, *Кубышка*, *Нехорошко*, *Томила*, *Третьяк*, *Утеш*, *Чужим*, *Ярыга* и др. Еще более широким был репертуар прозвищ-прилагательных: *Безбожий*, *Безбородый*, *Носатый*, *Щербатый*, *Чалый* и под. (в работе их приведено свыше 80).

Однако приходится пожалеть о том, что ономастический раздел посвящен не всей антропонимической системе, а лишь ее отдельному участку [в стороне оставлены, в частности, личные имена, усвоенные русскими с христианством (*Иван*, *Сава* и т. п.), а также производные от них отчества и фамилии (*Иванов*, *Савин* и т. п.)] — стр. 243]. Очерковый характер книги, естественно, повлек за собою неразвернутость и недостаточно полную проработанность материала и по другим разделам книги.

Поскольку «Очерки» С. И. Коткова — первый солидный труд по лексике южновеликорусского наречия в целом, то весьма желательно было бы поместить в нем карту южновеликорусской области с указанием на ней пунктов, откуда идут исследуемые памятники письменности. Не помешал бы и алфавитный перечень этих пунктов (городов, селений).

В работе материал XVI—XVIII вв. соотносен с южнорусскими данными нашего времени. Хотелось бы в связи с этим знать, заметны ли были на материале лексики в исследуемый период современные группы южного наречия или все диалектные различия южновеликорусского массива касались лишь его восточной и западной зон.

Наконец, сделаем несколько частных замечаний. В содержательном этюде о слове *зель* «карман, мошна; сумка, котомка; карман-лакомка» автору все же не удалось показать широкого распространения *зель* на Юге, где, по его мнению, могло произойти заимствование этого тюркизма русскими. Пути проникновения данного слова в русский язык и более широкое его бытование на Севере

все еще остаются загадкой. При дальнейшем выяснении вопроса следует учитывать и такие факты, как: 1) наличие слова *зепь*, *зеп* «карман» в ряде финно-угорских языков, ср. мордов. (эрзянск. и мокшанск.) *зепе*, коми *зеп* «карман» и др.; 2) наличие слова *зепь*, *зеть* «карман» в некоторых русских условных языках (арго), расположенных также в северных областях (например, в «жгонском» языке костромских шерстобитов).

На стр. 44 говорится о развитии в слове *добре* «противоположного значения» в сопоставлении с семантикой прилагательного *добрый* и приводится пример-иллюстрация: «Все хлеба-то *добре* поскохли» (Левитов). Нам кажется, что в таком контексте *добре* имеет наречное значение «очень, сильно». Об этом же сказано у Даля.

Рассматривая прозвищное имя *Булгак*, автор приводит объяснение слова *булгак*, данное А. М. Селищевым: «беспокойный, суматошный человек». Целе-

сообразно было бы усилить «статью» на *булгак* дополнительными примерами однокоренных слов, например, из словаря Даля: *булга* смб. склока, тревога, суета, беспокойство. *Булгачить*, *булгачить* твр., пен., влд. тревожить, беспокоить, будоражить, полошнить, баламутить... *Булгачник* м. -ница, *булагать* м. кто булгачит, суматошит».

Язык и стиль «Очерков» точный. Хорошо воспроизведены тексты памятников. Большую ценность представляет «Указатель», в котором приведено свыше 1800 слов, впервые извлеченных из памятников южновеликорусской письменности (большая часть слов подвергнута анализу в «Очерках»).

«Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков», несомненно, послужат образцом для исследователей истории словарного состава русского народного языка.

В. Д. Бондалетов

В. С. Перебийніс. Кількісні та якісні характеристики системи фонем сучасної української літературної мови. — Київ, «Наукова думка», 1970. 272 стр.

Монография В. И. Перебийнос «Количественные и качественные характеристики системы фонем современного украинского литературного языка» — первое в украинистике и, пожалуй, единственное для славянских языков фундаментальное исследование фонологической системы, объединяющее парадигматический и синтагматический аспекты, системные и количественные характеристики и базирующееся на обширном словарном и текстовом материале. Автор не предлагает оригинальной фонологической концепции (что, впрочем, положительно), задача сводится к опробованию различных известных методов фонологического описания на исчерпывающем материале одного языка. Тем не менее, эта работа оказывается весьма значительной и в теоретическом отношении — не только благодаря тщательной теоретической и методической разработке отдельных частных вопросов украинской фонологии, но прежде всего благодаря объективному смыслу своих приемов и заключений.

В современной фонологии отчетливо прослеживается одна (но, разумеется, не единственная) примечательная линия, закономерно отсутствовавшая в трудах создателей этой дисциплины. Речь идет о все усиливающейся тенденции строить фонологические описания на обширном, по возможности — исчерпывающем, лексическом материале и формулировать выводы с учетом всех осо-

бенностей «фонологического узуса»¹. Классическая фонология не требовала большого материала. Она устанавливала логические отношения звуковых единиц (оппозиции) на базе минимального числа диагностических фактов и не нуждалась в сплошном обследовании словаря или текстов. Однако уже следующий этап, когда выяснилась неодинаковая статистическая значимость и функциональная лексическая нагрузка логически равноправных элементов (фонем), потребовал введения понятий ядра и периферии² и привлек внимание к фонологической структуре словаря. В то же время без учета всего корпуса лексики оказалось невозможным разрабатывать вопросы фонологической синтагматики (сочетаемости фонологических единиц друг с другом, структуры слога, структуры слова), а распространение дистрибутивного метода установления инвентаря фонем означало введение лексического критерия также и в парадигматическую фонологию. И, наконец, новые задачи фонологического описания, связанные с исследова-

¹ В первую очередь см.: М. В. Панов, Русская фонетика, М., 1967; затем — J. Vachek, Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny, Praha, 1963. Кстати, подобная тенденция наблюдается и в морфологии.

² См.: «Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue», Prague, 1966 (TCLP, 2).